
ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО

МАСКАРАД СО СМЕРТЬЮ
КРОВЬ НА ПАЛУБЕ
ТАЙНА ПЕРСИДСКОГО ОБОЗА
УБИЙСТВО НА ВОДАХ
ЧЕРНАЯ МАГНОЛИЯ
ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ
РОКОВАЯ ПАРТИЯ
ТЕНЬ АЗРАИЛА

.....

ДЕТЕКТИВЫ В. ПОЛОНСКОГО

ЗАГАДКА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ГЛАВНАЯ РОЛЬ ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ
ОПАСНАЯ ИГРА ВЕРЫ ХОЛОДНОЙ

.....

ДЕТЕКТИВЫ А. ДОБРОВА

УКРАДЕННЫЙ ГОЛОС. ГИЛЯРОВСКИЙ И ШАЛЯПИИ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР. ГИЛЯРОВСКИЙ И ДУРОВ

• АНДРЕЙ •

ДОБРОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР
ГИЛЯРОВСКИЙ И ДУРОВ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 55

Художественное оформление *Петра Петрова*

Добров, Андрей Станиславович.

Д 55 Смертельный номер. Гиляровский и Дуров / Андрей Добров. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с.— (Интересный детектив. Ретро-оформление).

ISBN 978-5-699-83871-4

Цирк Соломонского на Цветном бульваре готовит новое представление. Шоу обещает быть незабываемым – на пороге новый, XX век! Но в цирковом закулисье переполох: кто нарисовал на афише череп и кости... Этот знак – как черная метка – не сулит ничего хорошего. Иллюзионист Гамбрини обвиняет в произошедшем известного дрессировщика Владимира Дурова. Гиляровский решает вступить за своего знакомого и распутать это дело. Дуров рассказывает ему давнюю историю о череде загадочных смертей, произошедших в цирке прямо на арене. Каждой из них предшествовал уже известный символ – череп и кости. Но кто же он – этот злой клоун, устроивший истину смертельный номер?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83871-4 © Добров А., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*Моей маме
Галине Михайловне Добровой
с благодарностью.*

• ВСТУПЛЕНИЕ •

Все описанные события являются плодом фантазии автора и никакого отношения к реальным историческим личностям не имеют.

Я верю, что Вселенная бесконечна и бесконечно разнообразна, а потому в ней может существовать все, что мы способны придумать — от самых розовых сказок до самых страшных кошмаров. И где-то там, в бесконечной дали, безусловно, существует планета, которую местные жители называют Землей. А на той Земле есть Российская империя. И есть древняя столица Москва, жители которой сейчас готовятся встретить Новый год и новый — двадцатый век. До него осталось всего две недели — подготовка к празднику в разгаре. И там, далеко-далеко, сейчас «король репортеров» Владимир Алексеевич Гиляровский подумывает, как бы сбежать из своей квартиры, чтобы его не заставляли наряжать елку и заниматься домашними предпраздничными хлопотами. Наконец, заявив жене, что он собирается сходить на рынок за... за кое-чем необходимым, Гиляровский надевает теплое пальто, свою каракулевую папаху и стремительно выходит за дверь...

ЦИРК САЛАМОНСКОГО

Надо было срочно выбираться из этого ада! Положительно, все женщины сходят перед Рождеством с ума. Если бы жители Москвы в эти предрождественские дни внезапно онемели, шума не стало бы меньше — звон и грохот перемываемой посуды, шарканье щеток по паркету, грохот выбиваемых на улице, на снегу, ковров и половиков — и еще тысячи звуков женской армии чистоты и порядка, в котором мужчине — существу естественно неприхотливому, просто нет места. А потому — папаху на голову, пальто на плечи — обмотав горло теплым шарфом, я выскочил на наш Столешников переулок и зашагал в сторону Тверской. А ведь до праздника еще целая неделя! Но по старой традиции, женщины старались вычистить нашу жизнь до блеска, чтобы потом, обернув ее бумагой, укутав покрывалами, спрятав в ящики шкафов и комодов, сохранить эту идиллию вплоть до того момента, когда ты, чиркая спичками, не начнешь зажигать свечи на купленной втридорога на базаре Театральной площади ели.

До улицы эта суета еще не дошла. Через несколько дней и здесь будет уже не протолкнуть-

ся от сотен экипажей и тысяч несчастных отцов семейств, нагруженных свертками с подарками и снедью. Но пока все было еще спокойно — сумерки, легкий снег, приглушенный топот копыт по снегу на мостовой, иногда — визг полозьев там, где снег вопреки предписанию городского начальства посмел обнажить островки булыжника, привычный зимний запах угля и дров, стогравших в печах и каминах, крики извозчиков, и — внезапно — музыка оркестриона из открывшихся дверей кабака. Обычная симфония зимней Москвы.

В книжных лавках уже торговали рождественскими яркими открытками — с непременно волхвами, приносящими дары Младенцу. Младенец был по-русски светловолосым, кудрявым и пухлым. С этими открытками соперничали другие — новогодние, на которых похожий младенец, только в синей шубке и красной русской шапочке, с цифрой 1900 на груди, принимал посох из рук белобородого старика с цифрой 1899. Витрины магазинов украшала нарисованная римская цифра XX — по наступающему веку, отчего остряки называли будущее столетие Ха-Ха, считая, что оно принесет много веселья и радости и будет вообще много приятней уходящего века, отмеченного войнами и катастрофами. Этому должны были поспособствовать и удивительные новинки прогресса — телефоны, автомобили и управляемые аэростаты. Почитав журналы, можно было легко представить себе, что человечество вот-вот оставит грешную зем-

лю, чтобы жить в воздухе наподобие то ли ангелов, то ли голубей.

Но пока оно все так же обреталось на земле. Земле, каждый день заметаемой снегом последней зимы девятнадцатого века.

Я прошел вверх по Тверской до бульваров, а потом спустился к Цветному. Весной и осенью по его центральной аллее нельзя было пройти, не испачкав галош в грязи, но теперь притоптанный снег, посыпанный песком, делал этот путь вполне проходимым.

Быстро стемнело, снег перестал, на тротуаре зажглись фонари. Я шел спокойно, помахивая тростью с большим круглым набалдашником. Она досталась мне два или три года назад от покойного ныне доктора Воробьева — прямо скажу — не по его воле. Вдруг внимание мое привлек ярко освещенный вход цирка Саламонского. А вернее — человек, стоявший у афиши, наклеенной справа от больших дверей цирка.

Небольшого роста, одетый в шубу, с большой меховой шапкой на голове, этот господин яростно размахивал руками и громко ругался.

Я подошел поближе и поднялся по ступеням. Афиша была нарисована ярко, с выдумкой и рекламировала рождественское представление — среди цветов, непременно слонов и скачущих лошадей обтянутая трико акробатка выгнулась дугой, ногами и руками опираясь на верхушку разукрашенной ели. Но не ее ладная фигурка привлекла меня — как привлекла бы в другой раз.

А грубо намалеванные черной краской прямо на лице женщины череп и кости!

— Мерзавцы! — возбужденно кричал господин в меховой шапке, с хорошо различимым восточным акцентом. — Чертовы дети!

— Действительно, что за вандализм! — поддержал я его.

Человек обернулся ко мне. У него были черные глаза и выдающийся горбатый нос.

— Что вы понимаете! — крикнул он мне. — Вандализм! Если бы это был вандализм! Что вы лезете?

— А вы не кричите, — сказал я спокойно. — Может, я что-то и не понимаю, но, по мне, так вот это, — я указал тростью на рисунок черепа, — и есть настоящий вандализм.

— К черту ваш вандализм!

Нет, этот субъект положительно старался вывести меня из себя! Мое душевное равновесие, с таким трудом установившееся после прогулки, начало разрушаться. Я уже собирался ответить резко, выплеснуть накопившееся раздражение, но тут дверь цирка открылась, и оттуда вышел плотный мужчина лет сорока в пальто и английской кепке с ушами. Ухоженные усы были густыми и темными — он наверняка подкрашивал их, чтобы скрыть седину, которая у меня пробивалась уже давно. Лицо этого нового господина показалось мне смутно знакомым. На человека в меховой шапке появление этого нового участника событий произвело эффект небывалый.

— Вы! — крикнул он, брызнув слюной. — Вот! Любуйтесь! Смотрите-смотрите!

Человек в кепке остановился и посмотрел на афишу.

— Ну?! — спросила шапка.

Человек в кепке склонил голову вбок и пожевал губами.

— Вижу, — сказал он негромко. — Ну и ну.

— А! — торжествующе возопила шапка. — Вы не удивлены? Нет! Я же вижу, вы не удивлены!

— Может, это шутка? — неуверенно спросила кепка.

— Шутка? — взвился чернявый. — Вы это говорите мне? Мне?! Шуточка! Шуточка! Может, это вы так пошутили? А?

Человек в кепке быстро взглянул на кричавшего:

— Перестаньте, Гамбрини, с чего мне так шутить?

— С того, что вы мне завидуете и хотите моей гибели!

— Да бросьте!

Названный Гамбрини раскрыл рот и глубоко задышал. Мне показалось, он сейчас бросится на человека в кепке, и я уже приготовился оттащить этого сумасшедшего. Но он вдруг быстро повернулся к афише, схватил ее за краешек и рванул. Большой кусок, где как раз был наклеван череп, с треском оторвался. Бросив его на землю, Гамбрини несколько раз топнул по нему ногой, а потом пнул этот испачканный обрывок прямо в ноги кепке.

— Что вы делаете! — растерялся тот.

— Вот вам ваши шуточки!

Человек в шапке протиснулся мимо кепки и скрылся в цирке.

— Сумасшедший, — сказал его собеседник и посмотрел на меня.

— Простите, — сказал я.

— Вы — друг Гамбрини? — спросил человек в кепке.

— Нет. Просто проходил мимо. Меня зовут Гиляровский. Владимир Алексеевич.

Он пожал плечами.

— Я журналист.

Тот помрачнел.

— Ищете сенсаций? — спросил он холодно.

— Гуляю.

Ни слова не говоря, человек в кепке неприязненно кивнул и начал спускаться по ступеням к бульвару. Подобрал обрывок афиши, я сложил его и сунул в карман, а потом последовал за ним.

— Пойдите! — крикнул я ему в спину.

Человек остановился, но не обернулся ко мне. Сбежав на несколько ступеней вниз, я достиг его.

— Простите мое любопытство, но что тут произошло?

— Что?

— Этот череп... Почему тот господин так разволновался?

— Прошу меня извинить, — твердо сказал человек в кепке. — Но это наше внутреннее дело.

— Ваше лицо показалось мне знакомым. Вы работаете в цирке?

— Да.

— Я тоже раньше работал в цирке.

Он взглянул на меня.

— И что?

Я удивленно посмотрел на него.

— Как — что? Я — человек не чужой в цирковом братстве.

Он смерил меня оценивающим взглядом, потом коснулся пальцами в перчатках полей своего котелка.

— Дуров.

— О! — сказал я с восхищением. — Тогда я вас знаю!

Он склонил голову.

— Вы — Анатолий Дуров!

Дуров поморщился, как будто проглотил лимон.

— Анатолий — мой брат. Я — Владимир Дуров. Прощайте!

И он энергично зашагал в сторону Божедомки. Но я не отставал.

— Простите, ради бога!

— А говорит, что цирковой, — донеслось до меня обиженное бормотание.

— Господин Дуров! Что означают эти череп и кости?

Дуров резко остановился и повернулся ко мне.

— Смертельный номер, черт побери! — раздраженно сказал он. — Вы и сами должны были бы знать, господин цирковой журна-

лист или кто вы там есть. Простите, я устал и хочу домой!

Он снова отвернулся и ускорил шаг.

Я решил больше его не догонять — всем своим видом Дуров показал, что не хочет более ни секунды общаться со мной. Что же! И я навязываться не буду, тем более что в Москве было место, где я мог найти ответ на заинтересовавший меня вопрос. Выйдя к мостовой, уже освещенной фонарями, я нашел дремлющего на санках «ваньку», разбудил его и велел везти меня в Брюсов переулок, где тогда располагался трактир, в котором собирались цирковые артисты. Между собой они называли его «Тошниловкой» — по качеству дешевой еды, впрочем, достаточно дешевой, чтобы привлекать всех, у кого в кармане копейка грызлась с копейкой.

Низкорослая деревенская лошадка усталой рысцей потащила санки в сторону Трубной, отсюда мы свернули на Петровский бульвар, пересекли Тверскую под задумчивым взглядом Александра Сергеевича. «Легковые» покрикивали на моего «ваньку», сердясь на мужичье, которое каждую зиму заполняет Москву своими убогими санками, отбивая клиентов низкими ценами. Но тот, видимо, привыкший уже к такому обращению, не отвечал, а только поддегивал вожжами.

Наконец я вышел у нужного дома, расплатился и зашел внутрь.

Низкий потолок «Тошниловки» был закопчен гарью свечей, стоявших на столах. Буфетчик подремывал на стуле у стойки — гостей обслужи-